

Максимов С. И., д.ю.н., проф., **Сатохина Н. И.,** к.ю.н.

(Харьков, Украина)

Отсутствующая правовая реальность Франца Кафки

Удивительным образом вполне заурядная биография Франца Кафки и совсем небольшой архив, который к тому же в соответствии с завещанием автора подлежал уничтожению, вскоре после смерти писателя породили астрономическое число всевозможных интерпретаций и толкований. Так возникает кафковедение – согласно ироничному определению Милана Кундеры, «дискурс, предназначенный для кафковедизации Кафки». Для одних толкователей Кафка, прежде всего религиозный мыслитель, другие усматривают в его произведениях психоаналитические, экзистенциалистские, марксистские либо политические аллегории, тогда как для третьих он остается великим романистом и ярчайшим представителем модернистского искусства. В 30-е годы XX века в его произведениях начинают видеть пророчества. Но, возможно, секрет притягательности Кафки как раз и состоит в том, что его тексты, в силу своей как бы незавершенности и намеренного уклонения от понятности, или, по Жилью Делезу, «ускользания», обладают универсальной метафоричностью, будучи максимально открытыми для интерпретации, но никогда не получая своего полного истолкования. В этой связи уместно вспомнить указание Вальтера Беньямина на то, что притчи Кафки – не совсем притчи, «но в то же время не хотят, чтобы их принимали за чистую монету; скорее они созданы для того, чтобы их цитировали, рассказывали для толкования». Так, сам Кафка оказывает для нас непостижимым, но в то же время завораживает читателя своей непостижимостью, как и созданная им реальность.

Кафкианская реальность предстает как мир, в котором всё на удивление понятно и непонятно, возможно и невозможно, реально и ирреально. И наиболее показательным срезом этой действительности, через

который мы собственно и попадаем в мир Кафки, оказывается реальность правовая!

Что же собой представляет правовая реальность «Процесса», который, как отмечает Бенъямин, как бы развернут из параболы «У врат Закона» – притчи, рассказанной священником главному герою романа?

Йозеф К., который, «не сделав ничего дурного», попадает под арест и оказывается вовлеченным в загадочный процесс, обнаруживает себя в мире несчетных канцелярий и чиновников, судей и адвокатов, прошений и доносов, допросов и слушаний... Но только не в мире права. Ибо за формальной составляющей правовой реальности мы так и не обнаруживаем никакого смыслового содержания. Приставленная к герою стража постоянно ссылается на некие предписания, при этом никогда не уточняя, что именно они предписывают. Простые исполнители не только «не уполномочены давать объяснения», но, как мы видим позже, и не могут этого сделать, поскольку ничего не знают ни о таинственном процессе, ни о праве в целом. Более того, похоже, что такими знаниями не обладает вообще никто, ведь даже в книгах следователя, которые, казалось бы, должны были пролить свет на происходящее, герой обнаруживает только лишь неприличные картинки. Так же в упомянутой притче о вратах Закона доступ к последнему преграждает привратник, но и он ничего не знает о том, что скрывают врата. Известно лишь о существовании других привратников, «один могущественнее другого». Таким образом, социальная организация предстает в виде некоего лабиринта. Но обвиняемый, потерявшийся в этом лабиринте, всё же вынужден двигаться навстречу своей гибели, ибо только так он может узнать, наконец, в чем же его вина (так, по крайней мере, ему представляется). Интересно, что, кроме главного героя, никто здесь и не ищет права. Многочисленные персонажи романа – всего лишь части системы, которым для успешного функционирования в ней вообще не требуется ни понимания происходящего, ни представления о должном, ибо

став органической составляющей «лабиринта», как бы растворившись в нем, мы уже не нуждаемся в выходе.

Нечто подобное опишет позже Ханна Арендт, анализируя феномен тоталитарного сознания. Изначальную проблематичность философской мысли она противопоставляет тотальному объяснению, которое предлагается той или иной идеологией, и в котором нет места человеческой свободе, неотъемлемой от способности личности мыслить. Тоталитарное сознание стремится непосредственно исполнять закон истории или природы, не трансформируя его в нормы добра и зла для индивидуального поведения, а рассматривая его как воплощение человечества в целом. Таким образом, место intersубъективно согласованных правил поведения занимает тотальный террор, призванный обеспечить силам природы или истории свободный бег, не сдерживаемый никаким стихийным, свободным действием человека. Человеческое многообразие как будто исчезает в одном гигантском человеке. А правовая реальность как реальность должного подменяется реальность «объективных» законов движения, которые не требуют ни понимания, ни признания, ни субъекта вообще, поскольку, в отличие от идеи должного, составляющей основу права и неизбежно требующей дискурса, мир природы тождественен самому себе.

При этом базисный опыт, на который опирается тоталитаризм, известен и не чужд человеку – это изоляция от ближнего и всеобщее одиночество, которые уничтожают человека как субъекта понимания. Ведь даже опыт чувственного восприятия зависит от общего здравого смысла, без которого мы были бы ограничены лишь ненадежными показателями собственных органов чувств. Тем более это касается мира правовых феноменов, постижимого нами только в дискурсе, но, в то же время, в этом же дискурсе и воспроизводимого. Так, ситуация непонимания в тоталитарном обществе имеет в своей основе, с одной стороны, стирание отличий и таким образом разрушение пространства личной свободы как способности создания нового, а с другой, отчуждение человека от других,

разрыв с традицией и укорененным в ней здравым смыслом. Отсюда – невозможность понимания правовой реальности и ее воспроизводства, что угрожает в конечном итоге заменой последней неправовыми по своей сути инструментами принуждения. Ведь в понимании субъективная свобода не только выходит за собственные пределы и попадает в пространство других, создавая многомерный интерсубъективный мир, а обнаруживает себя во всегда-уже-существующей традиции, позволяя последней говорить через себя. Соответственно, непонимание приводит не только к утрате ощущения правовой реальности, но и к исчезновению последней.

Кафкианская реальность – это и есть реальность тотального непонимания. Право непостижимо не в силу своей герметичности (закрытости для понимания), а в силу своего отсутствия. Его нет, поскольку нет правовых субъектов, способных воспроизводить правовые смыслы. Мир «Процесса» – это мир, в котором невозможно (да и не нужно) мышление, поскольку в этом мире нет места свободе и человеческой субъективности. По сути, единственный субъект в романе – это главный герой, который все же имеет некоторое представление о праве. Но именно в силу своего одиночества он изначально обречен на то, чтобы быть поглощенным системой, как обречена на исчезновение всякая субъективность вне свободной коммуникации. Сам процесс, по сути, и оказался судом над индивидуальной свободой. И если религиозные толкования романа усматривают в процессе отказ от человеческой сути как условие наполнения Богом (формулировка Андрея Аствацатурова), то политические представляют собой прочтение «Процесса» как тоталитарной антиутопии. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении мы вполне можем найти в романе ресурсы для того, чтобы стать метафорой и современной ситуации забвения правовых смыслов, утрачивая которые правовая реальность становится глубоко неправовой. Видимо, не случайно абсурдность мира вообще начинается у Кафки именно с абсурда правового.

И все же Кафка изображает вполне реальный мир, упустив лишь одну деталь, отсутствие которой и придает ощущение ирреальности. Что, впрочем, становится очевидным для читателя далеко не сразу, но, став таковым, приобретает значение мощнейшего экспликативного аргумента. Правовая реальность Кафки – это отсутствующая реальность, поскольку отсутствует правовой субъект, способный придать правовой смысл происходящему. Писатель выходит за границы правдоподобия «не для того, чтобы вырваться из мира реальности, а чтобы лучше ухватить его суть» (Кундера). Кафкианская реальность – мир, в котором мы живем, но как бы увиденный не нами. Это мир, в котором отсутствует смысл, но которому этот смысл и не нужен. И только человек, смотрящий на него сквозь призму собственной свободы, требует смысла и привносит его в мир.

Так, наиболее ценным для нас предметом осмысления оказывается вовсе не то, о чем говорит писатель, а то, о чем он красноречиво умалчивает, но что мы пока еще способны услышать. Дело тут даже не в пророческом даре Кафки, а в том, что угроза, в полной мере воплощенная в кафкианской реальности, всегда изначально таится в правовой действительности, будь то действительность 1910-х, 1930-х или 2000-х. И, похоже, природа этой угрозы носит характер не тоталитарный, коммунистический или либеральный, а глубоко антропологический, являющийся по сути антрополого-правовым.